

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Тортика А. А. Средние размеры стада как основной экологический, экономический и социальный показатель традиционного кочевого общества // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. – Харків, 1998. – С. 168 – 174.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

4. Деяния Вселенских соборов. - Казань., 1882. -Т.5.
5. Деяния Вселенских соборов. -Казань, 1882. - Т.6.
6. Лавров П. Жития Херсонеских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. - М., 1911. - Вып.2.
7. Страдания священномучеников Херсонеских епископов /Пер прот. С.Серафимов // Записки Одесского общества истории и древности. - 1868. - Т.7.
8. Деяния девяти поместных соборов. - Казань, 1877.
9. Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания. - Казань, 1885.
10. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 // Известия Археологической комиссии. - 1904. -Вып.9.
11. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1901 г о раскопках в северо-западном углу городища за 1901г //Архив Национального заповедника "Херсонес Таврический". - Д.№13 (2).
12. Беляев С. Крещальня в Корсуне //Наше наследие. - 1988. -№4.
13. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках базилики 1889 г. "Базилики в базилике" в 1972 -1974 гг. //Архив Национального заповедника "Херсонес Таврический". - Д. №1(3).

Тортика А.А.

Средние размеры стада как основной экологический, экономический и социальный показатель традиционного кочевого общества

Очевидно, что для кочевника основой благополучия является стадо домашних животных. Поэтому базовым показателем должны быть средние размеры стада малой семьи – первичной производственной ячейки общества. Для расчетов обеспеченности продуктами питания необходимо знать количество скота, приходящееся на одного человека. Нужно помнить и об имущественной дифференциации в кочевой среде, что вынуждает определить различия в обеспеченности скотом между рядовыми кочевниками и кочевой аристократией.

Для усреднения показателей по количеству скота при разном видовом составе стада необходим коэффициент перевода конкретных видов в условные головы. Для этого можно использовать овец – животных наиболее многочисленных и наименьших по размеру и весу. Лошадь будет равна 6-ти условным овцам, корова – 6-ти условным овцам, верблюд – 10—12 условным овцам [1, с.53-54]. Очевидно так же и то, что у самих кочевников давно сложилось

мнение по поводу полезности различных видов скота и его меновой стоимости. В Монголии лошадь по стоимости приравнялась к одной корове, 7—10 овцам, 10—14 козам. В МНР в 1950-х гг. были приняты такие коэффициенты: овца=1; крупный рогатый скот и лошадь=6; верблюд=12; коза=0,75. В Туве до революции 10 овец или 20 коз приравнялись по стоимости к одной корове или лошади, две лошади к одному верблюду. У казахов в XIX в. один верблюд стоил 20 годовалых баранов. По подсчетам С.И. Руденко, у казахов и киргизов в XIX веке взрослая лошадь приравнялась к 6 овцам или козам и к 6/5 головы крупного рогатого скота” [см.2, с.7]. Эквиваленты, принятые при обмене или компенсации у кочевых казахов известны и С.З. Зиманову: “Мерилом стоимости был баран. Годовалый баран считался единицей меры. Двухгодовалый приравнялся к 1,5 барана. Трехгодовалый к двум баранам. Годовалый теленок к двум баранам. Двухлетний теленок – к четырем” [7].

А.М. Хазанов приводит сведения об обеспеченности скотом рядового свободного населения в кочевых обществах: “По П.С. Палласу, калмыцкая семья из пяти человек нуждалась для прокормления в ХУ111 в. в десяти коровах, одном быке, восьми кобылах и одном жеребце. И. Слозцов писал о казахах, что семья из 5—6 человек для своего существования нуждается в 5-ти лошадях, 6-ти коровах и 10-ти баранах. И.М. Майский считает, что состоящей из 5-ти человек семье монгольского кочевника требовалось как минимум 14 лошадей, 3 верблюда, 13 голов крупного рогатого скота и 90 овец и коз” [2, с.164]. По мнению С.Е. Тольбекова к категории середняцких при 4—6 членах семьи относились хозяйства, имевшие 100—150 голов овец и коз и 20—25 голов крупного скота [3, с.158]. По подсчетам С.И. Руденко, для обеспечения скотоводческой семьи в 5 душ необходимо было иметь столько скота, чтобы его поголовье в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из расчета: одной взрослой лошади соответствует 6/5 головы взрослого крупного рогатого скота и 6 овец или коз. Дополнительно учитывается число транспортных и верховых животных. [4, с.5].

В работах Л.П. Потапова есть данные о соотношении скота в хозяйствах байских и бедных: “...у хакасов 5,8% хозяйств не были обеспечены скотом (1909—1910гг.), плохо обеспеченных скотом было 27%. Основное количество скота сосредотачивалось в руках байской верхушки, составляющей 3,2% всех хозяйств. Такая же картина наблюдалась в обеспеченности лошадьми. Количество безлошадных здесь составляло 6,2% хозяйств, а имеющих 1—2 лошади достигало 25,5%. Баи имели табуны, исчислявшиеся тысячами голов. У киргизов (1912—1913 г.г.) почти половина всех хозяйств обладала 11% всего стада, а мананы — 1,57% всех хозяйств, владели 16,5% скота. У алтайцев (1908) 72,8% хозяйств имели 19,1% от всех лошадей, а байская верхушка — 1,6% хозяйств, 21,6% лошадей” [5; 6].

Подобная диспропорция в обеспеченности скотом давно существует в обществах кочевников. В качестве примера можно привести описание хозяйства отца Тимура из Тимур-намэ: “Когда мне исполнилось 20 лет, в этом году отец

имел хорошее хозяйство. Скот давал много приплода. Я назначил над каждым 15 рабами начальника, из каждых 20 кобылиц я составил косяк, на каждые десять косяков я назначил одного раба, на каждые 10 верблюдов, на каждые 1000 баранов для присмотра я назначил одного раба". Различались по достатку не только семьи, но и аулы (см. табл.) [7, с.74].

Таблица: Аулы богатые и бедные. (Казахстан – третья четверть XIX в).
[по С.З. Зиманову]

Название	Кол-во юрт	Число голов скота			В среднем на юрту голов скота		
		лошади	круп. рог. скот	бараны	крупного	баранов	Всего
Кок-узет	25	65	50	300	5	12	17
Кутумбет	7	30	20	80	7	11	18
Сарыб	15	140	60	300	13	20	33
Культджабай	9	1000	100	1000	122	111	233
Муса	20	1000	200	1500	60	75	135
Алибупе	11	300	80	300	36	27	63

Аулы нельзя рассматривать как коллективные хозяйства. Труд в них не кооперировался. Скот находился в индивидуальной собственности малых семей. Индивидуальным было потребление продуктов и результатов труда. Совместно производилась только перекочевка, строились колодцы, спасался скот от буранов, защищались от нападений, выплачивались куну.

Исходя из обеспеченности скотом и Индекса Обеспеченности Продуктами (ИОП), который считается нормальным и принимается за единицу при обеспеченности скотом каждого члена семьи 36 условными овцами [1, с.56], бедными можно считать аулы Кок-узет, Кутумбет, Сарыб. Их население жило впроголодь, довольствуясь молочными продуктами. Не хватало им и шерсти для кошем, овчин для одежды, кизяка для топлива. Представители аулов Кок-узет и Кукумбет могли испытывать затруднения при перекочевках из-за недостатка вьючных животных. Хозяйства этих аулов можно считать наименее устойчивыми, находящимися на грани разорения.

Хозяйства аула Сарыб хорошо обеспечено вьючными животными и молочным скотом, но недостаточно баранами. Их можно рассматривать как экономически самостоятельные, но испытывающие недостаток в продуктах питания в зимнее время, когда нет свежего молока, а мяса не хватает. Стадо с трудом обеспечивало простое воспроизводство.

Хозяйства аула Алибупе были вполне экономически самостоятельны и

обеспечены продуктами на 1,35 от нормы, имели условия для обмена, расширенного воспроизводства стада и семьи.

Хозяйства аулов Культджабай и Муса можно считать богатыми, с большими возможностями для обмена и воспроизводства. В таких хозяйствах можно допустить многоженство и многодетность. Вероятно, им соответствовал размер семьи не в 5, а в 8—10 человек. Хотя нужно иметь в виду и то, что аулы эти не были однородны и состояли из нескольких очень богатых хозяйств и обслуживающих их бедных родственников или работников.

Для эколого-демографического анализа данные по отдельным аулам могут быть полезными только в качестве ориентиров. Они многозначны и не могут быть использованы при поиске закономерностей взаимоотношения кочевого общества с окружающей средой. Потому рассмотрим средние цифры по обеспеченности скотом на одно хозяйство во всех аулах.

Всего изучено 87 хозяйств, которые владели 2535 голов лошадей, 510 крупного рогатого скота, 3480 баранов. Соответственно на одно хозяйство приходилось 29 голов лошадей, 6 крупного рогатого скота и 40 баранов. Это дает ИОП 1,05, т.е. экологическую норму питания. Вырисовывается интересная закономерность. С точки зрения экологических, социально обезличенных характеристик экстенсивное кочевое скотоводство могло обеспечить населению всех аулов норму питания и простое воспроизводство семьи и стада при средних размерах семьи в пять человек. При таком распределении скота все хозяйства были бы достаточно экономически самостоятельными, обеспеченными вьючными, молочными и мясными животными. Но, в силу сильной зависимости от природных факторов, такое хозяйство было неустойчивым, и любой джуг или эпизоотия могли лишить его скота и экономической самостоятельности. Поэтому даже если предположить существование в кочевом обществе таких равных возможностей, прямая экологическая зависимость от окружающего комплекса природных условий постоянно стимулировала бы воссоздание имущественной дифференциации. Одновременно низкий уровень производства не позволял социальным отношениям развиваться далее стадии раннеклассовых.

О сохранении экологического равновесия коллективов кочевников с окружающей средой можно говорить и с учетом социальных отношений. С биологической точки зрения среднее население и размеры стад колеблются мало и оказывают примерно одинаковое давление на пастбищные экосистемы [8; 9; 10; 11; 12]. С трудом воспринимается эта ситуация только с этической точки зрения. Если вспомнить описанные аулы, то, по крайней мере, два из них — Кок-узек и Кутумбет, обречены на обнищание и потерю способности к самостоятельному кочеванию. Необеспеченное необходимой нормой питания их население переживает демографический спад, в течение нескольких поколений вымрет или рассеется в качестве работников по другим аулам. Представители последних получают возможность пользоваться освободившимися пастбищами,

обеспечат своим стадам расширенное воспроизводство, переживут демографический взрыв и приток населения из разорившихся хозяйств. Численность населения в них возрастет, и совместное кочевание всего коллектива станет нецелесообразным. Аул разделится на несколько родственных, которые будут кочевать раздельно. Некоторые из них будут удачливее в борьбе со стихией, другие - потерпят поражение. Одни сохранят благополучие и экономическую самостоятельность, другие обеднеют. Снова восстанавливается экологическое, экономическое, демографическое и социальное равновесие. В такой форме видимо и осуществляется воспроизводство традиционного кочевого общества.

Чтобы закончить анализ данных по названным аулам необходимо рассмотреть такой признак как соотношение лошадей и овец в стаде. Оно сильно отличается у богатых и бедных аулов: для Кок-узек 1:5; Кутумбет 1:2,6; Сарыб 1:2; Культджабай 1:1; Муса 1:1,5; Алибупе 1:1. Объясняется это тем, что для бедных аулов по минимуму обеспеченных скотом большое значение имеет его рациональное использование, которое возможно только при определенном составе стада и соотношении пород скота. Для богатых хозяйств, обеспеченных во много раз выше нормы, такая закономерность теряет свое значение. Больше внимание они могут уделять разведению престижных пород скота, в первую очередь лошадей. При слабо развитых товарных отношениях и натуральном характере хозяйства разведение крупного рогатого скота свыше нормы экономически нецелесообразно. Лошади же являются живым сокровищем, визитной карточкой степного богача, предметом его любви и гордости. Они лучше других животных приспособлены к зимним условиям выпаса, что делает разведение табунов лошадей более надежным направлением кочевого скотоводства. Кобылы являются источником кумыса, столь любимого всеми кочевниками. В конце концов, лошадь дорого стоит при продаже или обмене [13; 14; 15; 16].

Теперь можно отметить еще одну закономерность кочевого хозяйства. В общем, для всего населения кочевых этносов характерно преобладание в стаде мелкого рогатого скота над лошадьми в соотношениях – 1:7, 1:6, 1:5. В бедных и рядовых хозяйствах, обеспеченных скотом на уровне ИОП это соотношение, как правило, соблюдается. В хозяйствах богатых, во много раз превысивших нормы ИОП, возникают иные пропорции. Здесь действуют субъективные факторы, такие как традиционные представления о престиже и личные пристрастия хозяина. У богачей появляются громадные табуны лошадей и отары овец, что касается крупного рогатого скота, то обычно его количество увеличивается лишь настолько, чтобы обеспечить расширенные нормы питания жен и детей бая. После достижения определенных размеров стада, хозяйство богатого кочевника в гораздо меньшей степени зависит от окружающей среды. Очевидный факт большей экономической устойчивости богатого хозяйства получает экологическое обоснование. Превышение норм питания и размеров стад невозможное в природе

осуществляется благодаря социальным и экономическим законам, характерным для человеческого общества. Но богачи, обеспеченные скотом выше нормы, составляют лишь небольшой процент населения. Для большинства же закономерности эколого-демографического характера актуальны до тех пор, пока они остаются кочевниками.

Следует отметить, что для обеспечения бедных членов общества нормой питания, позволявшей им выжить, существовали традиционные способы внутренней саморегуляции кочевого общества. Это отношения типа саунных, пиры и угощения, устраивавшиеся богачами, соревнования с призами и застольем, общественные работы на бая с последующим кормлением. Несомненно, что все эти меры можно рассматривать как способы эксплуатации рядового населения [3; 5; 6; 7; 17; 18; 19]. Но нельзя не признать и того, что они действительно продолжали оставаться формами родовой взаимопомощи, жизненно необходимой в условиях зависимого от природы и нестабильного кочевого хозяйства. Лишенные такой помощи, бедные кочевники не имели других возможностей для существования и были обречены на голодную смерть. Отказ баев от традиционных форм взаимоотношений вызывал отток кочевого населения, согласного изъявлять им покорность, мог привести к социальной напряженности. Бедняки становились разбойниками, нападали на кочевья, угоняли скот, грабили. Такая реакция объяснима, но подобное состояние общества нельзя считать нормальным. В итоге, оно не выгодно никому и разрушительно для хозяйства представителей всех социальных категорий. Поэтому пользовались авторитетом и уважением баи, часто устраивавшие скачки, пиры, общественные работы, отдававшие скот на выпас за приплод или молоко. Несмотря на действительно довольно жесткую эксплуатацию, обедневшие кочевники получали возможность выжить, а общество сохраняло стабильность. Видимо следует признать такое состояние обычным и объективным для традиционных кочевых обществ. Оно сохранялось до тех пор, пока существовало экстенсивное кочевое скотоводство и соответствующая ему система общественных отношений. Требовать от кочевников социальной справедливости, как это делали многие советские авторы [20; 21], нельзя, это неисторично и является модернизацией. Что, впрочем, совсем не мешает изучать структуру кочевых обществ, социальную и имущественную дифференциацию, а также направления перераспределения продукта кочевого хозяйства путем эксплуатации или другим способом, обеспечивавшие те или иные нормы потребления. Это необходимо для полного исследования закономерностей существования кочевого хозяйства, обусловленного и социальными, и экологическими факторами.

1. Тортика А.А., Михеев В.К., Куртиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // ЭО.—1994.—№1.—С.49—62.

2. Хазанов А.М. Социальная история скифов.—М., 1975.
3. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. — Алматы, 1971.
4. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. —Л., 1961. — Вып.1. —С.2—15.
5. Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ.—1954.—№6.—С.73—89.
6. Потапов Л.П. Очерки по истории Алтайцев.—М.—Л., 1953.
7. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в.—Алматы, 1958.
8. Абатуров Б.Д. Биопродукционный процесс в наземных экосистемах.—М., 1979.
9. Кириков С.В. Человек и природа степной зоны: конец X — середина XIX в.—М., 1983.
10. Потапов Л.П. Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ.—Л., 1984.—С.126—143.
11. Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время.—М., 1984.—С.65—68.
12. Гаврилюк Н.А. Скотоводство Степной Скифии.—К., 1995.
13. Костенков. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям куманьчской экспедиции.—С Пб., 1868.—С.1—162.
14. Георги И.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов.—С Пб., 1799.—Ч.2.
15. Паллас. П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи.—С Пб., 1773.—Ч.1.
16. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук.—С Пб., 1821.—Т.3.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды.—М., 1973.
18. Эфендиев М.М., Першиц А.И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ.—1955.—№11.—С.65—75.
19. Лашук Л.П. О характере классовобразования в обществах ранних кочевников // ВИ.—1967.—№7.—С.105—121.
20. Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // СЭ.—1934.—№6.—С.86—115.
21. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества.—М.;Л., 1934.—С.165—199.